

Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова, Е.И. Шлягина

НАРУШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ У РУССКИХ МИГРАНТОВ

Солдатова Галина Уртамбековна — кандидат психологических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РЛП;

Шайгерова Людмила Анатольевна — аспирант факультета психологии Московского университета;

Шлягина Елена Ивановна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского университета.

В начале 90-х годов более 25 млн. русских в силу исторических обстоятельств оказались за пределами своей исторической родины. В большинстве случаев они поставлены перед выбором: остаться на обжитом месте и адаптироваться к новым социальным и политическим условиям, либо иммигрировать в Россию и попытаться обустроиться там. Приток вынужденных мигрантов в Россию может составить от 800 тыс. до 6 млн. человек. В 1993 году на территории России зафиксировано более 500 тыс. беженцев и 1,5 млн. вынужденных переселенцев [1].

Этническое самосознание людей, помимо своей воли оказавшихся за границей, находится в состоянии социокультурного шока. Эти люди превратились в явно или неявно дискриминируемое этническое меньшинство и часто вынуждены участвовать в социальных конфликтах, отстаивая свои права и достоинство. Трансформация этнического самосознания русских заключается в крушении «державного» самовосприятия и соответствующей системы ценностей, определяющих автостереотипы и гетростереотипы.

Исследователями показано, что по сравнению с этническими самоидентификациями коренных жителей национальных республик представления русских о собственной этнической группе характеризуются большей неопределенностью. Это проявляется в отсутствии традиционного культурного компонента в автостереотипе русских. У коренных жителей республик такой компонент выражен вполне отчетливо [2, 3]. Особенность этнической идентификации русских заключается в определении своей этнической принадлежности посредством соотнесения себя с Советским Союзом в целом. Часто не вполне различая «русских» и «советских», они подтверждают тем самым стереотипные представления о русских «оккупантах» у радикально настроенного местного населения. Лишившись системообразующего фактора и практически не имея традиционной культурной опоры, этническое самосознание русских потеряло свою устойчивость и стало разрушаться.

Для успешного сосуществования и взаимодействия представителей этнических меньшинств с коренным большинством важное значение имеет наличие устойчивого баланса в системе этнических оценок и представлений. Наиболее оптимальной является такая ситуация, когда самосознание этнического меньшинства характеризуется устойчивым балансом в целом позитивного адекватного образа «Мы» и позитивного адекватного образа «Они». При этом автостереотип группы должен быть более позитивным, чем ее гетростереотипы. Подобное состояние системы межэтнических

оценок и представлений характерно для самосознания этнического меньшинства в регионах с относительно благополучными межнациональными отношениями. Именно такой баланс устанавливается в условиях длительного и бесконфликтного проживания людей в иноэтническом окружении.

У русских, проживавших в бывших республиках Советского Союза, такой баланс складывался при условии, с одной стороны, официального признания «старшим братом» и, с другой — собственного осознания принадлежности к «главному» большинству страны. Поэтому оценочный баланс этнического самосознания русских настраивался в соответствии с этнополитической структурной иерархией страны. Понятно, что смена этносоциального статуса русских в республиках — их переход в категорию этнического меньшинства — обусловила драматическое нарушение баланса в системе этнических представлений и оценок в самосознании русских.

Мы будем опираться на этносоциологические материалы опроса «Русские в республиках», проведенного ВЦИОМ в 13 регионах страны в августе 1991 года. Данные были получены в результате сравнительного изучения автостереотипов и гетеростереотипов русских — потенциальных мигрантов и русских, принявших статус этнического меньшинства в бывших республиках Советского Союза. Вторым источником сведений послужило психологическое исследование этнического самосознания первых русских беженцев — беженцев из Азербайджана. Использовалась специально созданная батарея проективных и полупроективных личностных методов и опросных методик. Исследование было проведено нами в феврале—марте 1991 г. в Москве, на базе Комитета русских беженцев и в пансионате «Ватутенки» (Московская область).

Анализ этнических представлений и оценок у русских, проживающих или ранее проживавших в различных регионах Советского Союза, показал, что эта система наиболее сбалансирована у тех респондентов, которые твердо решили остаться на прежнем месте жительства. При позитивных оценках собственной этнической группы они достаточно позитивно оценивают представителей коренной национальности. Представители данной категории респондентов относятся к себе более критично по сравнению с теми, кто намерен уехать. Так, в Эстонии русские, которые решили остаться, отмечают наличие у себя нескольких негативных характеристик, в то время как респонденты, думающие об отъезде, полностью отрицают наличие таких негативных характеристик, как «лицемерный», «заносчивый», «властолюбивый» и «навязывающий свои обычаи» у представителей собственной этнической группы.

У респондентов, собирающихся покинуть свои прежние места проживания, наблюдается явное нарушение баланса в системе этнических оценок и представлений. Чаще всего это выражается в преобладании позитивных оценок собственной этнической группы по сравнению с оценками представителей коренной национальности. Так, ни по одному из качеств, характеризующих межличностное общение, за исключением такой характеристики, как «гостеприимство» у узбеков и казахов (ее можно рассматривать скорее как этнокультурную характеристику), русские данной группы не оценивают представителей коренной национальности выше себя. Что же касается беженцев, то разбалансировка системы их этнических представлений и оценок определяется в первую очередь трагическими событиями, которые послужили причиной их поспешного отъезда. По данным Московского института психиатрии Минздрава России, русские беженцы из стран СНГ и Прибалтики относятся к одной из пяти групп риска, в которых частота суицидов существенно превышает среднероссийскую. Беженцы занимают по этому показателю третье место после участников ликвидации последствий Чернобыльской аварии и пострадавших от радиации жителей некоторых регионов России.

Среди основных идентификационных объектов значимой единицей становятся «русские», в нашем случае «русские-москвичи», которые, по представлениям беженцев, далеки от идентичности с «русскими из Баку». Возникновение тройной полярности в идентификационной матрице (представители коренной национальности республики

выхода — собственная этническая группа — представители основного массива родного этноса) определяет специфику этнического самосознания у русских беженцев.

Попадание в иную культурную среду, даже если это и этническая родина, связано с серьезными трудностями психологической адаптации и порождает феномен, получивший в зарубежных исследованиях по адаптации мигрантов название «культурного шока» («миграционного стресса»). «Культурный шок» — это тяжелая психологическая дезадаптация личности, выражающаяся в депрессивных состояниях и психосоматических нарушениях, а также в агрессивности и поведенческих отклонениях. Причиной «культурного шока» являются глубинные искажения и трансформации картины мира при встрече с другой культурой. Все прежние ориентиры структурирования действительности становятся бесполезными и даже вредящими адаптации к новой культурной среде.

Анализ автостереотипов и гетеростереотипов русских, которые не собираются покидать «ближнее зарубежье», русских — потенциальных мигрантов, а также русских беженцев из Баку позволил выделить четыре основных типа нарушений этнической идентификации.

Первый тип характеризуется позитивной гиперидентификацией с собственной (русской) этнической группой, нередко доходящей до этноцентризма. В этом случае в образе «Мы» негативные компоненты, позволяющие говорить о рефлексивности и адекватности, уступают место исключительно позитивным характеристикам. Наблюдается усиление негативного аффективного заряда при оценке коренной национальности, сопровождающееся снижением этнической толерантности и повышением агрессивности. В числе психологических особенностей людей с позитивной гиперидентификацией можно назвать авторитаризм, нежелание и неспособность принять ценности иноэтнической культуры, изучить коренной язык и примириться с новым этносоциальным статусом. Для данной группы характерна неспособность принятия конструктивных решений в конфликтах с представителями коренной национальности, что приводит к конфронтации и повышает вероятность выезда.

Представления русских, которые твердо решили уехать из региона при удобном случае, о собственной этнической группе соответствуют такому типу гиперидентификации (табл. 1). Гетеростереотипу коренной национальности у этой группы населения присуще большее число резких отрицательных характеристик, чем гетеростереотипу коренной национальности у русских, принявших решение остаться в регионе навсегда.

Подобный тип идентификации ярко выражен и у беженцев. Автостереотип значительной части опрошенных беженцев из Баку (80%) включал исключительно положительные характеристики. В то же время в гетеростереотипе азербайджанца доминировали отрицательные характеристики: «лицемерный», «агрессивный», «вспыльчивый». Отношение к русским-москвичам оказалось неоднозначным. Это определило выделение в рамках данного типа нарушения идентификации двух подтипов.

Таблица 1

Оценка русскими собственной этнической группы (автостереотип), %

Личностные качества	Узбекистан		Казахстан		Эстония		Украина	
	Решили							
	уехать	остаться	уехать	остаться	уехать	остаться	уехать	остаться
Гостеприимные	23,4	27,9	21,5	25,0	47,4	66,8	51,7	53,3
Открытые, простые	55,5	48,9	50,8	46,9	57,9	54,8	72,0	53,6
Надежные, верные	17,5	23,7	21,5	18,8	26,3	13,0	21,2	19,8
Миролюбивые	50,4	52,6	43,1	39,6	15,8	26,0	40,7	44,7
Лицемерные, хитрые	0,7	1,1	7,7	6,9	0,0	0,5	0,0	0,7
Терпеливые	58,4	60,0	38,5	41,7	57,9	51,0	74,6	38,3
Свободолюбивые	24,8	22,1	33,8	24,3	5,3	12,0	19,5	19,6
Культурные	19,7	19,5	16,9	11,8	15,8	6,3	5,9	11,0

Готовые прийти на помощь	42,3	41,6	33,8	33,0	31,6	44,2	44,1	37,8
С чувством собственного достоинства	21,2	15,8	21,5	18,5	5,3	8,7	12,7	13,3
Заносчивые	2,2	4,2	3,1	4,2	0,0	1,0	2,5	1,1
Забитые, униженные	11,7	1,1	15,4	5,3	5,3	10,1	22,0	6,5
Властолюбивые	0,0	0,5	6,2	3,1	0,0	2,9	0,8	0,6
Навязывающие свои обычаи	4,4	1,6	0,0	2,4	2,4	2,9	10,2	1,9

В первом случае беженцы, обнаруживая по результатам теста рисуночной фрустрации Розенцвейга высокую нетерпимость к коренной национальности покинутой республики, обладали достаточно высокой толерантностью к русским, живущим в России. Результаты других использованных нами методик (диагностический тест отношений, цветовой тест отношений) подтверждают, что у этой группы беженцев складывается в целом позитивный образ нового окружения. Итак, на фоне негативного отношения к коренному населению республики выхода, были выявлены высоко позитивные автостереотип и гетеростереотип русских-москвичей.

Во втором случае при позитивном автостереотипе и резко негативном гетеростереотипе азербайджанцев беженцы обнаруживают такое же негативное отношение к новому окружению — русским-москвичам. Люди с подобным типом нарушения идентификации оказываются наиболее уязвимыми перед лицом трудностей, связанных с привыканием к новой жизни. Как правило, в эту группу попадают женщины-беженцы, потерявшие привычную социальную нишу, работу по специальности, переживающие бытовые трудности. Сдвиг баланса в системе этнических представлений и оценок серьезно снижает интегративную функцию этнического самосознания, а испытуемые, принадлежащие к данной группе, переживают длительное эмоциональное перенапряжение и состояние, близкое к социальной дезадаптации.

Таблица 2

Оценка русскими представителей коренной национальности (гетеростереотипы), %

Личностные качества	Узбекистан		Казахстан		Эстония		Украина	
	Решили							
	уехать	остаться	уехать	остаться	уехать	остаться	уехать	остаться
Гостеприимные	75,8	86,3	52,7	67,4	9,5	13,9	50,0	56,3
Открытые, простые	7,8	14,2	12,7	18,1	0,0	4,8	16,7	21,9
Надежные, верные	3,7	6,3	9,1	9,0	23,3	5,8	0,0	9,0
Миролюбивые	10,9	18,9	14,5	29,9	9,5	22,6	0,0	27,9
Лицемерные, хитрые	22,7	12,1	16,4	5,9	9,5	5,8	33,3	12,3
Терпеливые	12,5	25,3	12,7	21,9	9,5	29,8	0,0	25,4
Свободолюбивые	6,3	7,4	9,1	13,5	14,3	31,7	0,0	15,0
Культурные	3,1	3,7	1,8	5,6	9,5	44,2	16,7	4,3
Готовые прийти на помощь	9,4	17,9	5,5	11,1	4,8	4,3	16,7	14,6
С чувством собственного достоинства	6,3	7,4	1,8	10,4	14,3	36,5	0,0	9,0
Заносчивые	10,2	10,0	16,4	9,0	9,5	3,4	0,0	7,7
Забитые, униженные	9,4	3,7	0,9	7,3	0,0	0,5	0,0	4,7
Властолюбивые	38,3	27,4	27,3	21,5	4,8	4,3	0,0	6,5
Навязывающие свои обычаи	15,6	8,4	10,9	2,1	9,5	3,4	16,7	5,2

Присущая им нерелексивность образа «Мы» определяет, с одной стороны, недостаточную самокритичность, с другой — неадекватно завышенную требовательность

к окружающим.

Второму типу присуща негативная этническая самоидентификация и более высокая по сравнению с оценкой собственной этнической группы оценка другого этноса (например, коренной национальности). В этом случае в автостереотипе концентрируется негативный эмоциональный заряд. Подобный тип нарушения этнической идентификации может быть основанием для двух различных стилей поведения.

В одном случае это может быть объективным выражением стремления к ассимиляции с коренным населением и утраты собственной идентичности. К этой группе населения могут относиться русские, твердо решившие остаться в регионе. Русские, собирающиеся остаться, считают представителей коренных народов «гостеприимными», «открытыми», «простыми», «миролюбивыми», «свободолюбивыми», «культурными», «готовыми прийти на помощь» и «обладающими чувством собственного достоинства». Они также приписывают им меньше негативных характеристик. Русские, собирающиеся уехать, гораздо чаще наделяют коренное население негативными качествами: «лицемерие», «хитрость», «заносчивость», «властолюбие», «навязывание своих обычаев» (табл. 2). Стремление к ассимиляции с коренным населением содержит в себе позитивные стороны, способствующие наилучшей адаптации к новым условиям на прежнем месте жительства и демонстрирует наиболее оптимальный вариант поведения этнического меньшинства при изменившемся этносоциальном статусе.

Во втором случае возникает невротический комплекс неполноценности: гипертрофированное чувство вины своего народа перед другими, обида, разочарование, крушение надежды на помощь со стороны своих, неуверенность в завтрашнем дне, осознание своей маргинальности. Русские, собирающиеся уехать, чаще, чем решившие остаться, считают, что представителям их национальности, наряду с положительными качествами, свойственны также такие характеристики, которые можно отнести к невротическому комплексу, — например, «забитость» и «униженность». Так, в лидировавшем в 1991 году по миграционному оттоку Узбекистане эти качества оказались более значимыми для русских, принявших решение уехать, чем для решивших остаться.

Невротический комплекс способствует изолированности, замкнутости русских в иноэтническом окружении и формированию круга общения по моноэтническому принципу. В результате еще более увеличивается дистанция между коренными жителями и представителями русского меньшинства, усугубляется осознание себя чужаками. Безусловно, такая модель поведения не может способствовать адаптации русских к новым социально-политическим реалиям в условиях эскалации межэтнической напряженности. Одно из наиболее вероятных следствий этого невротического комплекса — решение о миграции.

В случае вынужденного выезда негативная этническая самоидентификация также может воспрепятствовать успешному освоению нового места жительства. При исследовании беженцев мы установили зависимость между степенями «позитивности» или «негативности» автостереотипов и гетеростереотипов. Умеренно позитивный образ собственной этнической группы увеличивает у беженцев «позитивность» гетеростереотипов, и напротив, более отрицательный автостереотип усиливает «негативность» гетеростереотипов, в нашем случае гетеростереотипов «русского-москвича». Безусловно, преобладание «негативизма» в восприятии нового окружения затрудняет адаптацию беженцев к новой социокультурной среде.

Третий тип — «идентификационная спутанность» (неопределенность этнической самоидентификации и неопределенность в оценке коренной национальности). Подобный тип идентификации был описан Э. Эриксоном при обследовании американских индейцев, а также американцев — ветеранов вьетнамской войны [4]. Речь идет о тяжелом посттравматическом стрессе. «Идентификационная спутанность» может оказаться временной, а может продолжаться долго, приводя к деперсонализации.

Один из вариантов этого типа идентификации — амбивалентная этническая

идентификация — был выявлен нами с помощью методов психологического исследования у русских беженцев из Баку. Когнитивный компонент автостереотипа русских беженцев обладает достаточно высокой определенностью (высокие оценки позитивных качеств в сочетании с низкими оценками негативных качеств). Другими словами, беженцы достаточно уверенно готовы ответить на вопрос «Какие мы?». В то же время гетеростереотип русских-москвичей размыт, не сформирован. По данным диагностического теста отношений в гетеростереотипе русского-москвича выражены лишь три качества: «осторожный», «экономный», «высокомерный». Если учитывать принадлежность русских беженцев из Баку и русских-москвичей к одной и той же этнической группе, то у беженцев из Баку нельзя не отметить высокий уровень амбивалентности в отношении к своей этнической принадлежности, т. е. для них остается открытым вопрос «Кто мы?». Диагностический тест отношений показал, что по ряду характеристик (темпераментный, общительный, активный, вспыльчивый) русские беженцы отождествляют себя с азербайджанцами, несмотря на резко негативный в целом гетеростереотип азербайджанца. Напротив, у беженцев и русских-москвичей практически нет пересекающихся качеств, а отношение в целом к русским-москвичам имеет относительно позитивный характер.

Данные проективных методов, тестирующих глубинные, неосознаваемые уровни этнической идентификации, также подтверждают отсутствие субъективного ощущения этнического единства русских из Баку с русскими-москвичами. Такая амбивалентная этническая идентификация свидетельствует о размытости, диффузности конструкта «Мы» и серьезной трансформации картины мира.

Четвертому типу присущи негативная самоидентификация и негативная оценка коренной национальности. Такой тип нарушения идентичности разворачивается на фоне осознания себя «гражданами второго сорта», снижения своего социального статуса и ощущения собственной неполноценности. Это в свою очередь приводит к отстраненности от общественно-политической жизни. Данный тип нарушения идентичности затрагивает более глубокие пласты личности и определяет формирование деструктивного комплекса в этническом самосознании.

Литература

1. Вынужденные переселенцы в России // Статистический бюллетень. N 1. М.: ФКМП ГИВЦ Госкомстат Российской Федерации, 1993. С. 68.
2. Дробужева Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. 1985. N 5. С. 3—14.
3. Советский простой человек: Опыт социологического портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю. Л. Левады. М.: Мировой океан, 1993.
4. Ericson E. Childhood and society. New York: Harmond-Tworth, 1967.